

№№ 11-12

ГРУШЕЧКА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

К. ВЕЙЕРМАНЪ. Гр.

Цѣна на годъ съ дост. . . . 6 р. — к.
 безъ дост. . . . 5 » — »
 На полгода. 3 » 50 »
 На три мѣсяца. 2 » — »

Редакція: Малая Подъяческая, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Коралловый островъ на тихомъ океанѣ. А. С—ва.—II. Неаполь. (Стих.). Н. О...въ.—
 III. Коралль * * *.—IV. Маленькій рудокопъ.

КОРАЛЛОВЫЙ ОСТРОВЪ
НА ТИХОМЪ ОКЕАНѢ.

I.

Дѣтство.—Я жажду приключеній и отправляюсь въ море.

БЫЛА мрачная, безпросвѣтная, бурная ночь, когда я родился на пѣнящихся волнахъ Атлантического океана. Мой отецъ былъ капитанъ флота, и какъ съ его стороны, такъ и со стороны моей матери, дѣды и прадѣды были моряки. Большую часть жизни своей мать

моя провела на морѣ, сопровождая моего отца во время его плаванія. Вскорѣ послѣ моего рожденія мой отецъ вышелъ въ отставку, купилъ небольшой домикъ въ рыбацкой деревушкѣ на западномъ берегу Англіи и рѣшился провести закатъ своей жизни на берегахъ того моря, которое такъ долго служило ему родиной. Съ самаго ранняго дѣтства во мнѣ оказалась склонность къ скитальческой жизни. Едва я началъ ходить, какъ и забрелъ прямо въ грязную лужу передъ дверью нашего домика. Какъ ясно я помню ужасъ моей матери, когда она нашла меня барахтающимся въ грязи среди гогочущихъ утокъ; она стащила съ меня мокрое платье и вымыла меня. Съ этого времени мои странствованія стали становиться все чаще и чаще. Когда же я сдѣлался старше, то исходилъ весь берегъ и всѣ лѣса вокругъ нашего скромнаго жилища, наконецъ отецъ опредѣлилъ меня ученикомъ на каботажное судно и позволилъ отправиться въ море. Я былъ невыразимо счастливъ посѣщая морскія гавани и крейсируя около береговъ моей родины. Меня звали Ральфомъ, а мои товарищи по кораблю прибавили къ этому прозвищу—Роверъ, вслѣдствіе *) моей страсти къ путешествіямъ. Товарищи мои были ребята славные, добродушные и мы очень сошлись. Не смотря на то, что они часто подсмѣивались надо мною, и я нерѣдко слышалъ какъ они говорили Ральфъ:—Роверъ странный старосвѣтскій малый.

Въ то время, какъ я плавалъ на каботажномъ суднѣ, мнѣ приходилось встрѣчаться съ моряками, объѣздившими почти всѣ части свѣта, и сердце мое страстно билось, когда они рассказывали свои удивительныя приключенія въ чужихъ странахъ, ужасныя бури и опасности, которыхъ они избѣжали, удивительныя существа, которыхъ они видѣли на морѣ и на сушѣ, интересныя страны, которыя они посѣтили. Но изъ всѣхъ мѣстностей, о которыхъ они рассказывали, ни одна неувлекла меня такъ, какъ Коралловые острова на южныхъ

*) Роверъ—по англійски скиталецъ.

моряхъ. Они рассказывали мнѣ о тысячахъ прекрасныхъ, плодородныхъ острововъ, которые созданы маленькимъ полипомъ, гдѣ лѣто царить почти круглый годъ, гдѣ деревья почти всегда отягощены роскошными плодами, гдѣ климатъ почти всегда восхитителенъ и гдѣ живутъ еще дикіе люди, исключая тѣхъ благословенныхъ острововъ, куда было введено Евангеліе. Эти рассказы имѣли такое сильное вліяніе на меня, что когда мнѣ минуло пятнадцать лѣтъ, то я рѣшился отправиться на эти острова.

Мнѣ стоило большаго труда уговорить моихъ родителей. Наконецъ они дали свое согласіе, прощаясь со мной, мать моя въ слезахъ сказала:—храни тебя Богъ, дорогой Ральфъ, возвращайся скорѣй, мы уже стары и намъ осталось недолго жить.

Отецъ поручилъ меня на попеченіе своему старому товарищу, капитану торговаго флота, который готовился отплыть въ южныя моря на своемъ собственномъ кораблѣ „Стрѣла“. Мать благословила меня, дала мнѣ маленькую библию и просила, чтобы я каждый день читалъ изъ нее по главѣ и молился; я со слезами обѣщалъ ей исполнить ея желаніе.

Вскорѣ послѣ этого я былъ уже на палубѣ „Стрѣлы“ большаго красиваго корабля и плылъ къ островамъ Тихаго океана.

II.

Отъѣздъ.—Море.—Мои товарищи.—Нѣсколько словъ о чудесахъ на морѣ.—Буря.—Крушеніе корабля.

Былъ ясный, тихій, теплый день, когда нашъ корабль надулъ паруса и поплылъ въ южныя страны. Сердце мое трепетало отъ восторга, когда я прислушивался къ веселому хору моряковъ, натягивающихъ снасти и втаскивающихъ якорь! Капитанъ кричалъ—матросы бѣжали исполнять его приказанія; величественный корабль наклонился по направленію вѣтра и берегъ, постепенно скрываясь, исчезъ у меня изъ виду; пока

я стоялъ и смотрѣлъ; все происходившее казалось мнѣ восхитительнымъ сномъ.

Во время моего краткаго пребыванія на морѣ, я въ первый разъ увидѣлъ какъ якорь втаскивали на палубу и крѣпко привязывали веревками, точно мы совсѣмъ распрощались съ землей и намъ уже не понадобятся его услуги.

— Ну, малецъ, закричалъ широкоплечій, перепачканный въ дегтю матросъ, добродушно ударяя рукой по рогу якоря, когда тотъ былъ уже окончательно привязанъ — ну, малецъ, отдыхай, мы еще долго не заставимъ тебя цѣловаться съ тиною.

И точно якорь долго не цѣловался съ тиною, а когда поцѣловался, то это было въ первый и послѣдній разъ.

На кораблѣ находилось много подростковъ, двоихъ изъ нихъ я особенно полюбилъ. Одинъ изъ нихъ былъ Джекъ Мартинъ, высокій, стройный, широкоплечій юноша лѣтъ восемнадцати, съ красивымъ, добродушнымъ, энергичнымъ лицомъ. Онъ получилъ хорошее образованіе, былъ уменъ, добръ, мужествененъ и вмѣстѣ съ тѣмъ кротокъ и спокоенъ. Всѣ любили Джека, а онъ больше всѣхъ любилъ меня. Другой товарищъ былъ четырнадцатилѣтній Петеркинъ Рей, маленькаго роста, живой, остроумный, шаловливый, но шалости его были безобидны и товарищи любили его.

— Эге! юнецъ, закричалъ Джекъ, ударяя меня по плечу, въ тотъ день, какъ я поступилъ на корабль — спустимся внизъ, я покажу тебѣ твою койку. Будемъ товарищами и по столовой; кажется мы подружимся, ты мнѣ нравишься.

Джекъ былъ правъ. Мы, а въ послѣдствіи и Петеркинъ стали лучшими друзьями, какіе только плавали вмѣстѣ по бурнымъ волнамъ.

Не стану распространяться о первой половинѣ нашего путешествія. Мы выдержали обыкновенное количество вѣтра и штиля; видѣли въ морѣ множество странныхъ рыбъ; однажды я пришелъ въ восторгъ, увидѣвъ какъ стая летучихъ рыбъ выскочила изъ воды и пронеслась въ воздухѣ,

поднявшись на футъ надъ поверхностью. Ихъ преслѣдовали дельфины, которые питаются ими, а одна летучая рыба въ страхѣ влетѣла на корабль, ударилась о снасти и упала на палубу. Ея крылья были ничто иное какъ удлиненные плавники и мы поняли почему она не можетъ подняться высоко въ воздухъ, а носится надъ поверхностью воды. Джекъ и я съѣли ее за обѣдомъ и нашли замѣчательно вкусною.

Когда мы подѣхали къ мысу Горну, погода стояла холодная и бурная, а моряки рассказывали исторіи объ ужасающихъ буряхъ и опасностяхъ, которыя почти постоянно встрѣчаются около этого страшнаго мыса.

— Мысъ Горнъ, говорилъ одинъ, ужаснѣйшій изъ мысовъ, какіе я когда либо огибалъ. Я два раза объѣзжалъ и оба раза корабль чуть не взлеталъ на воздухъ.

— А я объѣзжалъ его только разъ, говорилъ другой и то паруса треснули, снасти примерзли къ блокамъ, и мы чуть не погибли.

— А я объѣзжалъ его пять разъ, закричалъ третій и каждый разъ было все хуже и хуже, буря была ужасная.

— А я ни разу не объѣзжалъ вокругъ него, закричалъ Петеркинъ, шутливо подмигивая,—и именно въ этотъ-то разъ меня и вывернуло на изнанку.

Несмотря на угрожающіе рассказы, мы объѣзжали страшный мысъ безъ особенныхъ бурь и спустя нѣсколько недѣль спокойно плыли при тепломъ тропическомъ вѣтрѣ по Тихому океану, занимаясь ловлей его обитателей.

Наконецъ мы очутились среди Коралловыхъ острововъ. Я никогда не забуду того восторга, когда я увидалъ одинъ изъ этихъ острововъ, покрытыхъ зеленоватыми пальмами сверкавшими на солнцѣ; меня и друзей моихъ такъ и тянуло высадиться на одинъ изъ такихъ острововъ, желаніе это осуществилось скорѣе нежели мы ожидали.

Однажды ночью, когда мы вступили въ тропики, ужасающая буря разразилась надъ нашимъ кораблемъ и свирѣпствовала въ продолженіи пяти дней. Мы считали себя по-

гибшими. Капитанъ рѣшительно не зналъ гдѣ мы находимся, такъ далеко мы были отнесены отъ нашего пути; всѣ опасались что мы очутимся среди опасныхъ коралловыхъ рифовъ, такъ многочисленныхъ въ Тихомъ океанѣ. На шестой день бури, на разсвѣтѣ мы увидали островъ, окруженный коралловымъ рифомъ, о который разбивались волны. Посреди этого рифа тихо колыхалось море, намъ видно было только узкое отверстіе, ведущее въ него. Мы направились къ этому отверстію, но прежде чѣмъ достигли его, сильная волна сломала корму, оторвала руль и мы остались въ полной власти вѣтровъ и волнъ.

— Мы погибли, ребята, сказалъ капитанъ матросамъ.

— Оснастите лодку, черезъ полчаса корабль ударится о скалы!

Матросы повиновались въ молчаніи, мало было надежды, что лодочка уцѣлѣетъ во время бури.

— Ну, братцы, сказалъ Джекъ серьезнымъ тономъ мнѣ и Петеркину, когда мы стояли на шканцахъ, ожидая своей участи,—ну, братцы, будемъ держаться вмѣстѣ. Вы видите невозможно чтобы небольшая лодка, переполненная людьми, могла достичь берега. Она навѣрно опрокинется, по моему мнѣнію лучше довѣриться большому веслу. Я вижу въ телескопъ что корабль ударится о хвостъ рифа, гдѣ волны стихаютъ, если намъ удастся пріудержаться за него, пока оно перенесетъ насъ черезъ буруны, то можетъ доберемся до берега?

Мы съ радостью согласились, хотя я замѣтить по тону его голоса, что и у него было мало надежды на спасеніе, а когда глядѣлъ на бѣлыя волны, бичующія рифъ и кипяція у скалъ какъ въ котлѣ, то чувствовалъ что мы на волосъ отъ смерти, и сердце мое замерло; я вспомнилъ о своей матери, вспомнилъ послѣднія слова ея:—Ральфъ, мое дорогое дитя, говорила она, въ часъ опасности обратись къ Спасителю, Онъ спасетъ тебя. При этой мысли я почувствовалъ силу и утѣшеніе.

Корабль близился къ скаламъ. Матросы приготовили лодку, капитанъ отдавалъ приказанья, вдругъ на встрѣчу намъ хлынула колоссальная волна. Мы трое побѣжали къ корабельному носу, чтобы ухватиться за весло, но только что достигли его, какъ волна обдала палубу съ громовымъ трескомъ. Корабль ударился о скалу; фокмачта сломалась, опрокинулась и увлекла за собой лодку и матросовъ. Наше весло зацѣпилось за обломки корабля, другая волна отцѣпила его, мы ухватились за него и черезъ минуту барахтались въ бурномъ морѣ. Я видѣлъ лодку, крутящуюся среди пѣны, видѣлъ моряковъ выброшенныхъ въ пѣнящіяся волны. Потомъ лишился чувствъ.

Очнувшись отъ обморока, я увидѣлъ себя лежащимъ на мягкой травѣ, на берегу, подъ навѣсомъ скалы. Петеркинъ стоялъ подлѣ меня на колѣняхъ, смачивалъ мнѣ голову водою и старался остановить кровь, струившуюся у меня изъ раны на лбу.

III.

Коралловый островъ,—наши заботы по высадкѣ и ихъ результаты; мы полагаемъ что островъ необитаемъ.

Человѣкъ, который приходитъ въ себя послѣ обморока, испытываетъ странное чувство въ родѣ дремотнаго сознанія, сопровождаемаго утомленіемъ. Я слышалъ голосъ Петеркина, спрашивающаго лучше-ли мнѣ; сначала мнѣ казалось, что я должно быть заспался, мысль эта повидимому внезапно исчезла и замѣнилась предположеніемъ, что я былъ болѣнъ. Когда-же ароматный вѣтерокъ повѣялъ на лицо—мнѣ вспомнилась родина, садикъ позади нашего домика, съ его роскошными цвѣтами, ароматная жимолость, за которой моя мать такъ заботливо ухаживала. Но ревъ волнъ разогналъ очаровательныя грезы и я снова въ морѣ, передо мною дельфины, летучія рыбы, рифы мыса Горна. Шумъ волнъ становился отчетливѣе, я вспомнилъ, что мы потерпѣли кру-

шеніе,—медленно открылъ глаза и увидѣлъ Джека, наблюдавшаго за мною съ невыразимою тревогой.

— Лучше-ли тебѣ, другъ Ральфъ? спросилъ онъ меня.

— Я совершенно здоровъ, отвѣчалъ я улыбаясь.

— Ну такъ къ чему ты притворяешься и пугаешь насъ, сказалъ Петеркинъ, улыбаясь сквозь слезы, бѣдный мальчикъ воображалъ, что я умираю.

Я приподнялся на локтѣ и приложивъ руку ко лбу, увидалъ что на лбу былъ значительный порѣзъ и понялъ что ослабѣлъ отъ потери крови.

— Полно, полно, Ральфъ, сказалъ Джекъ, осторожно укладывая меня—ложись, и не говори, ты еще не оправился, выпей воды, она прохладна и чиста какъ кристалль. Я зачерпнулъ ее изъ ближняго родника.

— Я все расскажу тебѣ.

— Джекъ сѣлъ подлѣ меня, а Петеркинъ наломалъ вѣтокъ, устраивалъ изъ нихъ надо мною шалашъ и шутливо болталъ со мною.

Самосознаніе мало по малу возвращалось ко мнѣ.

— Т-съ, Петеркинъ, сказалъ Джекъ, ты тревожишь Ральфа своимъ вздоромъ. Я объясню тебѣ все, Ральфъ—помнишь что послѣ того какъ корабль ударился, мы трое перескочили черезъ корму въ море, весло ударило тебя по головѣ и поранило лобъ, ты лишаясь чувствъ инстинктивно ухватилъ за шею Петеркина и толкнулъ ему прямо въ зубы телескопъ, за который ты зацѣпился.

— Толкнулъ въ зубы! прервалъ Петеркинъ, скажи всадишь въ горло!

— Ну, ну, какъ бы тамъ ни было, продолжалъ Джекъ, ты цѣплялся за него, Ральфъ, но онъ крѣпко держался за весло, а я старался подтолкнуть васъ къ берегу, котораго мы благополучно и достигли, такъ какъ вода внутри рифа совершенно спокойна.

— Но капитанъ и экипажъ, что съ ними случилось? спросилъ я тревожно.

Джекъ покачалъ головой.

— Они погибли?

— Надѣюсь не погибли, хотя не много шансовъ на ихъ спасеніе. Корабль ударился объ оконечность того же самого острова, на который мы выброшены. Когда лодка была сброшена въ море, то къ счастью не опрокинулась, хотя и зачерпнула много воды и всѣмъ матросамъ удалось взобраться въ нее, но прежде нежели они ухватились за весла, буря понесла лодку въ подвѣтряномъ направленіи отъ острова. Когда мы высадились, я видѣлъ что они старались грести по направленію къ намъ, но такъ какъ у нихъ осталась только пара веселъ, вѣтеръ дулъ имъ прямо на встрѣчу, то они и сбились съ пути. Потомъ я видѣлъ какъ они нацѣпили нѣчто въ родѣ паруса, а спустя полчаса потерялъ ихъ изъ виду.

— Бѣдняги! прошепталъ я печально.

— А я, Ральфъ, чѣмъ больше думаю объ этомъ, тѣмъ спокойнѣе за нихъ, продолжалъ Джекъ. Видишь ли, я много читалъ объ этихъ южныхъ островахъ, знаю что они разбросаны тысячами во многихъ мѣстахъ океана и увѣренъ, что наши товарищи вскорѣ натолкнутся на одинъ изъ нихъ.

— Я тоже увѣренъ въ этомъ, сказалъ Петеркинъ серьезно. Но что случилось съ кораблемъ, Джекъ? я видѣлъ какъ ты взобрался на скалу, пока я ухаживалъ за Ральфомъ. Что онъ разбился что-ли въ дребезги?

— Нѣтъ, не разбился, а пошелъ ко дну, отвѣтилъ Джекъ. Онъ ударился объ оконечность острова и зацѣпился за него кормой, но слѣдующій бурунъ смылъ его и онъ поплылъ въ подвѣтряномъ направленіи. Бѣдняки, сидѣвшіе въ лодкѣ, пытались достигъ корабля, но прежде нежели приблизились, онъ наполнился водой и пошелъ ко дну, а они стали грести къ острову.

Сказавши это, Джекъ замолчалъ, мы также не говорили ни слова, каждый обдумывалъ свое необыкновенное положеніе. Я зналъ, что мы были на островѣ, но не зналъ обитае-

мый ли онъ или нѣтъ. Если онъ обитаемъ, то по всему, что я слышалъ объ островитянахъ, мы будемъ изжарены и съѣдены. Если же необитаемъ, умремъ отъ голода. О, думалъ я, если бы корабль не потонулъ, мы устроились бы недурно, могли бы забрать съ него съѣстные припасы и орудія, построить себѣ пріютъ, но теперь погибли! Последнія слова я произнесъ вслухъ съ отчаяніемъ.

— Погибли! Ральфъ? воскликнулъ Джекъ съ улыбкой. Спасены—долженъ бы ты сказать.

— По моему мнѣнію, замѣтилъ Петеркинъ, намъ открывается блестящая перспектива. Мы пріобрѣли цѣлый островъ. Завладѣемъ имъ во имя короля—присоединимся къ чернымъ жителямъ. Ты будешь королемъ, Джекъ; Ральфъ—первымъ министромъ, а я буду—

— Придворнымъ шутомъ, прервалъ Джекъ.

— Нѣтъ, возразилъ Петеркинъ. Я приму мѣсто важнаго сановника, буду получать громадное жалованье и ничего не дѣлать.

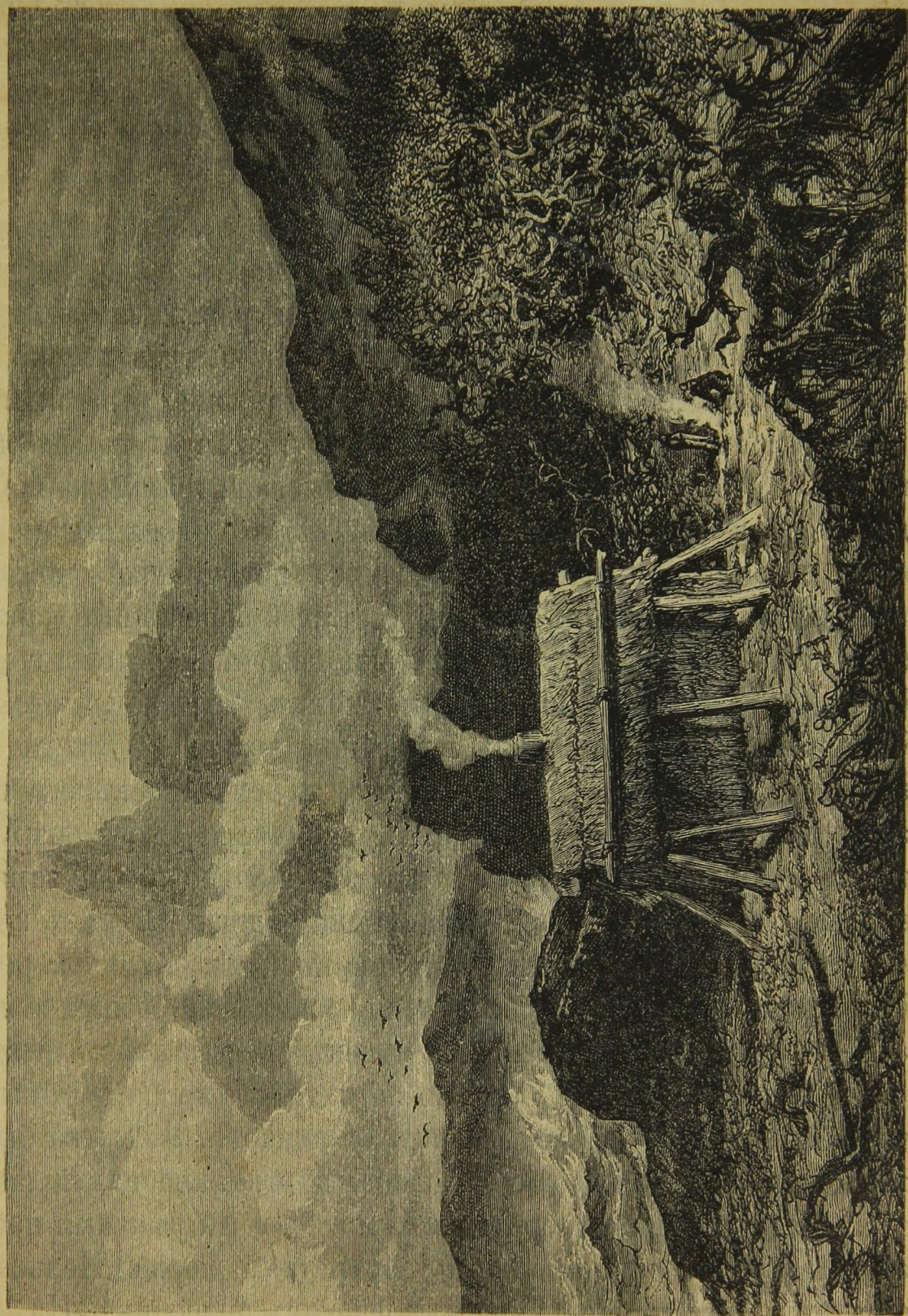
— Предположимъ, что туземцевъ нѣтъ?

— Ну, такъ мы построимъ прелестную виллу, разведемъ вокругъ нея садъ полный восхитительныхъ тропическихъ растеній и станемъ обрабатывать землю, сажать, сѣять, жать ѣсть, спать, веселиться.

— Но говоря серьезно, произнесъ Джекъ, если это необитаемый островъ, намъ придется жить какъ дикимъ звѣрямъ, у насъ нѣтъ не только что никакихъ орудій, но даже и ножа.

— Ножъ у насъ есть, сказалъ Петеркинъ, и вынулъ изъ кармана небольшой перочинный ножикъ съ сломаннымъ лезвіемъ.

— Ну, и это лучше чѣмъ ничего, сказалъ Джекъ, вставая, но не станемъ терять время на разговоры, будемъ дѣйствовать; ты кажется оправился, Ральфъ, взберемся на этотъ холмъ и посмотримъ, на какой это островъ мы выброшены; хорошъ онъ или дуренъ, повидимому онъ долго будетъ нашимъ мѣстопребываніемъ.

ХИЖИНА ПОТЕРПІВШИХЪ КОРАБЛЕКРУШЕНІЕ.

IV.

Мы разсматриваемъ нашу собственность. — Счастливое открытіе. — Описаніе нашего острова. Джекъ оказывается умнѣе и проницательнѣе своихъ товарищей. — Любопытныя открытія. — Природный лимонадъ.

Мы усѣлись на скалу и начали разсматривать нашу собственность. Когда мы достигли берега послѣ крушенія, мои товарищи сняли часть своего платья и разложили ихъ на солнцѣ просушивать, вѣтеръ хотя и свирѣпствовалъ, но на ярко-голубомъ небѣ не было ни облачка. Они стащили и съ меня большую часть моего мокраго платья и также разложили на скалы. Одѣвшись, мы обыскали наши карманы и выложили все находящееся въ нихъ на плоскій камень, оказались у насъ слѣдующія вещи: перочинный ножикъ ржавый со сломаннымъ лезвіемъ, старый серебряный карандашъ безъ свинца, кусокъ бичевки, небольшая игла; корабельный телескопъ, на одномъ концѣ телескопа стекло было разбито въдребезги; и мѣдное кольцо у Джека на мизинцѣ. Я никогда не могъ понять почему Джекъ его носить, такъ какъ онъ никогда не занимался своей наружностью. Петеркинъ говорилъ, что это кольцо было память невѣсты, которую Джекъ оставилъ на родинѣ. Но такъ какъ онъ никому не говорилъ объ этой невѣстѣ, то я увѣренъ былъ, что Петеркинъ шутилъ или ошибался. Кромѣ этихъ вещей у насъ былъ небольшой кусокъ трута и наша одежда.

У каждого изъ насъ было по парѣ толстыхъ парусинныхъ штановъ и крѣпкихъ матросскихъ башмаковъ. У Джека была красная фланелевая рубашка, голубая куртка, красная ирландская фуражка, пара шерстяныхъ носковъ и бумажный носовой платокъ съ шестнадцатью портретами лорда Нельсона и съ англійскимъ національнымъ флагомъ посрединѣ. На Петеркинѣ была полосатая фланелевая рубашка, которую онъ носилъ на выпускъ, и перетягивалъ поясомъ въ родѣ туники и черная круглая соломенная шляпа. Куртки у него не было,

онъ сбросилъ свою куртку незадолго передъ тѣмъ какъ мы были выброшены въ море, но это не имѣло никакого значенія, климатъ острова былъ чрезвычайно мягокъ и такъ тепелъ, что Джекъ и я часто расхаживали безъ курточекъ. У Петеркина была еще пара бѣлыхъ бумажныхъ носковъ и голубой бумажный платокъ, устѣянный бѣлыми горошинами. Мой костюмъ состоялъ изъ голубой фланелевой рубашки, голубой куртки, черной шапочки и пары шерстяныхъ носковъ, кромѣ упомянутыхъ башмаковъ и штановъ. Это было все что мы имѣли.

Пока мы разсматривали наши вещи и разговаривали о нихъ, Джекъ внезапно вскочилъ и вскрикнулъ.

— Весло! мы забыли весло.

— На что оно намъ, сказалъ Петеркинъ, на островъ хватить дерева для тысячи веселъ.

— Да, возразилъ Джекъ, но на концѣ весла желѣзный обручъ, онъ можетъ быть намъ очень полезенъ.

— Вѣрно, сказалъ я, пойдемъ притащимъ его, сказавши это, мы встали и поспѣшили на берегъ. Я былъ еще слабъ, товарищи вскорѣ опередили меня, но Джекъ замѣтилъ это и съ свойственной ему добродушной заботливостью остановился и ждалъ меня. Я, можно сказать, въ первый разъ послѣ нашей высадки осмотрѣлъ мѣстность, гдѣ мы находились, мѣсто, гдѣ я лежалъ было, окружено кустарниками. Выбравшись изъ этихъ кустарниковъ, мы, спускаясь къ песчаному берегу, пришли въ восхищеніе, очаровательные виды разстилались передъ нами со всѣхъ сторонъ. Буря стихла, островъ, на которомъ мы стояли, былъ гористъ и покрытъ прелестными, роскошными деревьями, кустами и кустарниками, названія которыхъ я не зналъ, исключая кокосовыхъ пальмъ, которыя я тотчасъ узналъ ихъ потому, что видалъ на картинахъ. Песчаная отмель ослѣпительной бѣлизны окаймляла зеленый берегъ, море, ласково журча, плескалось о нее. Это меня удивило, я помнилъ, что море послѣ бури долго бьется о берегъ громадными волнами. Но бросивъ взглядъ на океанъ,

понялъ почему это. Въ милѣ отъ берега громадныя волны океана катились зеленой стѣной и съ продолжительнымъ грохотомъ низвергались на коралловый рифъ, разбивались о него бѣлой пѣной и стояли облаками брызговъ, среди которыхъ временами образовывалась радуга. Мы въ послѣдствіи увидѣли, что коралловый рифъ окружалъ весь островъ какъ бы естественная запруда. За этой запрудой море еще не улегшееся отъ бури вздымалось и волновалось, а среди рифа и берега было спокойно и гладко какъ прудъ.

Мы любовались окружавшей насъ красотою и дышали ароматнымъ воздухомъ. Вдругъ громкое ура Петеркина вывело насъ изъ очарованнаго состоянія, взглянувъ на край берега, мы увидали, что Петеркинъ прыгаетъ и скачетъ какъ обезьяна и тащить изо всѣхъ силъ что-то лежавшее на берегу.

— Что тамъ нашелъ этотъ чудакъ? сказалъ Джекъ, взявъ меня за руку и потащилъ, говоря, пойдѣмъ, посмотримъ, что тамъ такое.

— Ура, братцы, сюда!

Подойдя поближе мы увидѣли, что Петеркинъ старался вытащить топоръ изъ весла, Джекъ вонзилъ его, при отплытіи, чтобы перерѣзать веревки, въ которыя весло было запуталось.

— А! это дѣйствительно прелесть, вскричалъ Джекъ, вытащивъ топоръ изъ дерева. Какое счастье! топоръ намъ дороже сотни ножей, лезвіе его ново и остро.

— Взгляни-ка сюда, сказалъ Петеркинъ, и указалъ желѣзный обручъ, которымъ былъ обтянутъ конецъ весла, чтобы оно не разщепилось.

Джекъ опустился на колѣни и началъ заботливо вытаскивать гвозди лезвіемъ топора. Мы снесли весло къ нашимъ остальнымъ вещамъ, дерево располагали сжечь, а желѣзо оставить.

— Ну, братцы! сказалъ Джекъ, теперь мы все устроили, предлагаю отправиться на тотъ конецъ острова, о который

ударился корабль и посмотримъ не выброшено ли что нибудь на берегъ. Когда вернемся сюда, то поспѣемъ еще поужинать и приготовить себѣ постель.

— Согласны! сказалъ я и Петеркинъ въ одинъ голосъ, мы бы согласились на всякое предложеніе Джека, онъ былъ не только что старше и сильнѣе насъ, но и гораздо умнѣе, я думаю, люди гораздо старше Джека, избрали бы его своимъ вождемъ, въ особенности на какое нибудь смѣлое предпріятіе.

Пока мы бѣжали по бѣлой песчаной отмели, ослѣпительно сверкавшей въ лучахъ заходящаго солнца, Петеркину пришло въ голову, что намъ нечего будетъ ѣсть кромѣ дикихъ ягодъ, росшихъ въ изобиліи.

— Что мы будемъ дѣлать, Джекъ? сказалъ онъ печально; можетъ онѣ ядовиты!

— Не бойся, отвѣтилъ Джекъ спокойно;—я замѣтилъ, что многія изъ этихъ ягодъ похожи на тѣ ягоды, которыя растутъ и на нашихъ родныхъ поляхъ. Кромѣ того, я видѣлъ какъ одна или двѣ странныя птицы ѣли ихъ за нѣсколько минутъ до этого, если это не убило птицъ, не убьетъ и насъ. Но взгляни сюда, Петеркинъ, продолжалъ Джекъ, указывая на развѣсистую верхушку кокосовой пальмы. Тутъ есть орѣхи и зрѣлые и зеленые.

— Въ самомъ дѣлѣ! закричалъ Петеркинъ, который былъ слишкомъ увлеченъ другими предметами, чтобы замѣтить плодъ пальмоваго дерева. Какъ только Джекъ указалъ ему орѣхи, онъ ужъ вскарабкался на дерево какъ векша и черезъ нѣсколько минутъ вернулся съ тремя орѣхами, изъ которыхъ каждый былъ величиной съ кулакъ.

— Ты бы лучше спряталъ орѣхи до нашего возвращенія, сказалъ Джекъ.

— Да будетъ такъ, капитанъ, впередъ! закричалъ Петеркинъ, уложивъ орѣхи въ карманы своихъ штановъ. Я ѣсть не хочу, а дорого бы далъ чтобы напиться. О, если бы найти источникъ! но не вижу ни малѣйшаго признака его близости.

— Тебѣ хочется пить, сказалъ Джекъ, взлѣзь на это дерево и принеси незрѣлый орѣхъ!

Петеркинъ казался удивленнымъ, но видя, что Джекъ не шутитъ, повиновался.

— Теперь прорѣжь въ немъ отверстіе твоимъ перочиннымъ ножикомъ и приложи его ко рту! продолжалъ Джекъ.

Петеркинъ сдѣлалъ, что ему указывали. Только что онъ приложилъ орѣхъ ко рту и отбросилъ голову назадъ, чтобы уловить жидкость, которая вытекала изъ него, какъ глаза его открылись вдвое больше обыкновеннаго отъ удивленія, и полнѣйшій восторгъ распространился по всему лицу его, за исключеніемъ рта, который, будучи приложенъ къ отверстию орѣха, не могъ участвовать въ этомъ. Наконецъ онъ остановился и, переводя духъ, воскликнулъ.

— Нектаръ! чистый нектаръ! ты Джекъ лучший человекъ въ мірѣ. Отвѣдай-ка! сказалъ онъ, подавая мнѣ орѣхъ. Я тотчасъ сталъ пить и былъ удивленъ восхитительной жидкостью, которая потекла мнѣ въ ротъ. Она была прохладительна и кислосладкій вкусъ ея походилъ на лимонадъ. Потомъ я передалъ орѣхъ Джеку, онъ, отвѣдавъ его, сказалъ, я не видалъ и не ѣлъ кокосоваго орѣха, но когда-то читалъ, что въ незрѣлыхъ орѣхахъ находится вещество, похожее на лимонадъ.

— Ну теперь, сказалъ Петеркинъ, объясни намъ какое вещество содержится въ зрѣломъ орѣхѣ?

— Полое ядро, отвѣчалъ Джекъ, наполненное жидкостью, похожей на молоко, но оно скорѣе удовлетворяетъ голодъ нежели жажду. Мнѣ кажется это здоровая пища.

— Ёда и питье на одномъ и томъ же деревѣ! воскликнулъ Петеркинъ, купанье въ морѣ, квартира на землѣ—и все даромъ, мы навсегда обезпечены; это земной рай—ура! и подбросилъ шляпу на воздухъ.

Впослѣдствіи мы узнали, что эти прелестные острова далеко не рай во многихъ отношеніяхъ. Но объ этомъ дальше.

Подойдя къ тому концу острова, о который ударился

корабль, мы не нашли ни одной вещи и уже готовились вернуться, какъ увидали что-то черное, плавающее въ бухточкѣ, чего сначала не замѣтили. Подбѣжавъ, вытащили изъ воды длинный, толстый кожаный сапогъ, какіе рыбаки носятъ дома, а въ нѣсколькихъ шагахъ дальше подняли второй и узнали сапоги нашего капитана, при видѣ ихъ меня поразила мысль, что нашъ дорогой капитанъ утонулъ, но Джекъ успокоилъ меня, если бы капитанъ утонулъ въ сапогахъ, говорилъ онъ, то его самого прибило бы къ берегу, и что онъ навѣрно сбросилъ ихъ, будучи въ морѣ, чтобы легче плыть. Такъ какъ сапоги были въ пору только Джеку, то мы и уговорили его оставить ихъ себѣ.

Начало темнѣть, когда мы возвращались къ нашей стоянкѣ, поэтому отложили походъ на вершину горы до слѣдующаго дня и пользуясь послѣдними проблесками вечерняго свѣта, нарубили вѣтвей и листьевъ дерева, названья котораго не знали. Изъ колебъ и вѣтвей мы соорудили родъ бесѣдки, въ которой намѣревались провести ночь. Въ этомъ не было необходимости, воздухъ былъ такъ тепелъ и ароматенъ, что могли бы спать и безъ крова. Усыпавъ полъ листьями и сухой травой, мы подумали объ ужинѣ и тутъ только догадались, что у насъ нѣтъ средствъ добыть огня.

— Вотъ такъ оказія! сказалъ Петеркинъ, взглянувъ на Джека; мы всегда обращались къ нему въ затрудненіяхъ. Джекъ самъ не зналъ какъ быть.

— Конечно, кремней много на берегу, сказалъ онъ; да нѣтъ стали. Впрочемъ, попытаемся. Онъ отправился на берегъ и вскорѣ вернулся съ двумя кремнями. На одинъ изъ нихъ онъ положилъ труть, а другимъ высѣкъ искру изъ кремля, труть твердый и дурнаго качества не загорался. Тогда онъ попробовалъ пустить въ дѣло желѣзный ободокъ, а затѣмъ топоръ, и все безуспѣшно. Во время этихъ опытовъ Петеркинъ сидѣлъ, заложивъ руки въ карманы, и печально глядѣлъ на товарища.

— О, Господи! вздохнулъ онъ, я хлопочу не о томъ, чтобы варить нашу провизію, но какъ-то грустно ужинать въ потьмахъ. У насъ выдался такой славный день, жаль было бы закончить его мрачно. О, нашелъ! вдругъ вскрикнулъ онъ, вскакивая съ мѣста—подзорная труба—на концѣ зажигательное стекло!

— Ты забываешь, что солнце закатилось, сказалъ я.

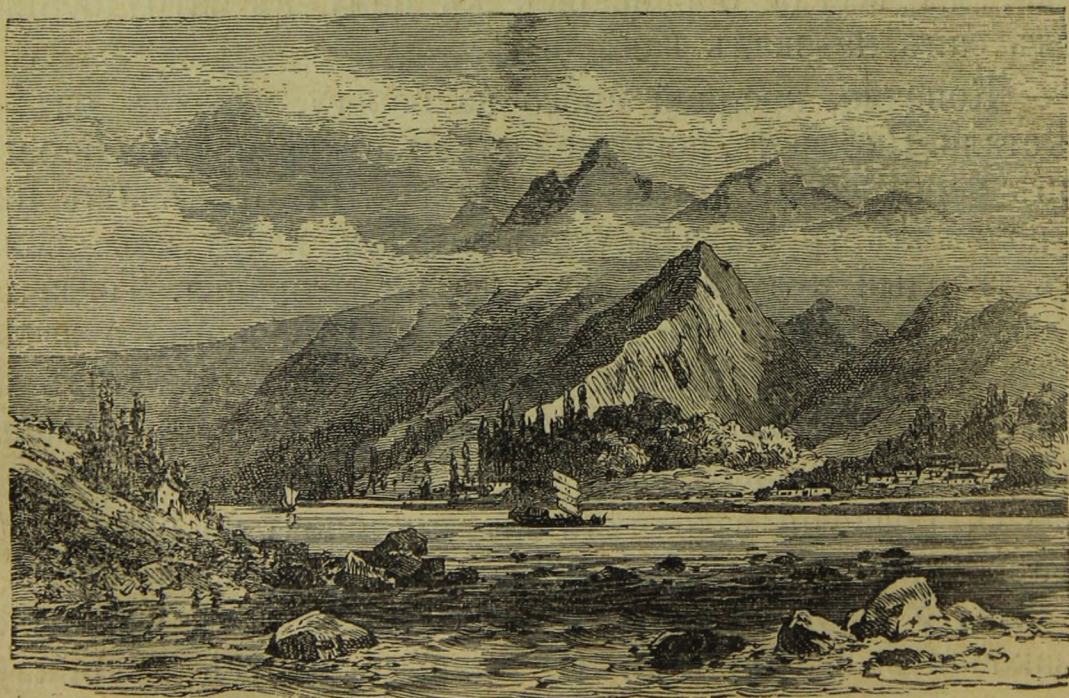
Петеркинъ замолчалъ, вспомнивъ о телескопѣ, онъ забылъ объ отсутствіи солнца.

— Ну, друзья! я придумалъ! сказалъ Джекъ, срѣзывая вѣтвь съ сосѣдняго дерева и обрывая съ нее всѣ листья. Я припоминаю какъ это дѣлали разъ у насъ дома. Дайте кончикъ бичевки. Джекъ сдѣлалъ изъ бичевки и вѣтви лукъ. Потомъ отрѣзалъ вершка три отъ сухой вѣтви, заострилъ его съ обѣихъ сторонъ, обернулъ бичевкой лука, приложилъ одинъ конецъ къ своей груди, а другой приставилъ къ куску трута и началъ пилить лукомъ какъ кузнецъ буравомъ, просверливая отверстіе въ желѣзѣ. Черезъ нѣсколько секундъ труть началъ дымиться, загорѣлся, а спустя четверть часа мы пили нашъ лимонадъ и ѣли кокосовые орѣхи у огня, на которомъ можно было бы зажарить цѣлую овцу; дымъ, пламя, искры сверкали между широкими листьями пальмовыхъ деревьевъ и бросали отблескъ на нашу лиственную бесѣдку.

Всю ночь звѣздное небо смотрѣло сквозь тихо шелестящіе листья на нашъ сонъ, а отдаленный рокотъ и плескъ волнъ о коралловый рифъ былъ нашей колыбельной пѣсней.

А. С—ва.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НЕАПОЛЬ.

ВЪ ЧАСЪ полуденный, на склонѣ
 Раскаленныхъ береговъ,
 Дремлетъ смуглый lazzarone,
 Врагъ заботы и трудовъ.
 Въ шапкѣ красной на бекрени,
 Грудь широко распахнувъ,
 И отъ зноя и отъ лѣни
 Разметался онъ, заснувъ;
 Брови черныя нависли,
 Пышетъ жаръ отъ желтыхъ щекъ,
 Руки жилистыя свисли
 На разсыпчатый песокъ.
 Нищъ и босъ, и грѣзь не зная,
 Зѣвъ безпечень онъ лежитъ,
 И надъ соннымъ пролетая
 Чайка сѣрая кричитъ.

Съ неба лучъ палить и блещетъ,
 И, на скатъ береговой
 Набѣгая, море плещетъ
 Вѣчно-шумною волной.
 Strada nuova, садъ и Chiaia,
 И Везувій, думы полнъ —
 Растянулись, облегая
 Ширь серебрянную волнъ.

Съ лона водъ въ нѣмомъ покоѣ
 Капри синій тихо всталъ...

Ясно небо голубое,
 Жарокъ воздухъ, звученъ валь:
 Хорошо, мой lazzarone,
 Спать, не вѣдая трудовъ,
 Въ зной полуденный на склонѣ
 Итальянскихъ береговъ!

За утесами Puzziolo
 Солнце клонится свѣтло
 И лучи свои оттолѣ
 Въ небѣ синемъ разнесло.
 Западъ красный жарко пышетъ,
 Чистъ широкой небосклонъ,
 Теплый воздухъ робко дышетъ,
 Пахнетъ роза и лимонъ.
 Въ блескѣ позднемъ длинной лентой—
 Сквозь туманъ прозрачный — мнѣ
 Видѣнъ берегъ, гдѣ Сорренто
 Дремлетъ въ свѣтлой тишинѣ.
 По лиловому играетъ
 Морю золото лучей,
 Море тихо гладь вздымаетъ
 Переливчатыхъ зыбей.
 Взоры тонуть въ отдаленъи,
 Внемлетъ слухъ волнѣ морской
 И послѣдному движенью
 Опустѣлой мостовой.
 Челнъ качается лѣнливо
 У побережя за...
 Вечеръ пышный молчаливо
 Въ небѣ гаснетъ и горитъ.

Надъ Везувіемъ восходить,
 И спокойна и пышна,
 И на море блескъ наводитъ
 Лучезарная луна.
 По лазури неба темной
 Звѣзды ярко зажжены,
 Тихо дышетъ въ нѣгѣ томной
 Ночь полуденной страны.
 Тихъ Везувій. Груды лавы

Вкругъ себя онъ набросалъ
И, дымяся величаво,
Середь ночи задремалъ.
Я смотрю съ Villa reale
Вдаль по искристымъ водамъ:
Тѣни легкой дымкой пали
По далекимъ берегамъ;
Море, въ сладкомъ усыпленьи,
Звучно зыблетъ лоно водъ,
И въ туманномъ отдаленьи
Смутно Капри представлятъ;
Въ думѣ мрачной и суровой,
Какъ преступникъ въ часъ ночной,
Одинокъ Castel del ovo,
Омываемый волной.
Спитъ Неаполь, нѣгой свѣта
Лунной ночи озаренъ;
Я гляжу—и мнѣ все это
Предстаетъ, какъ пышный сонъ.

Н. О...въ

КОРАЛЛЪ.

ПРОШЛО двѣ тысячи лѣтъ прежде чѣмъ удалось естествоиспытателямъ узнать, что такое кораллъ, и только недавно рѣшили, что кораллъ простой морской полипникъ, такой же твердой подъ водою, какъ и на ея поверхности, и какимъ видимъ его обработаннымъ въ ожерельяхъ, браслетахъ и разныхъ другихъ украшеніяхъ.

По твердости и глянцу коралла многіе изъ естествоиспытателей долгое время считали его минераломъ; большая же часть полагала, что кораллъ — подводное деревцо. Древній натуралистъ Плиній думалъ, что это деревцо твердѣетъ только тогда, когда появляется на поверхности воды.

Знаменитый французскій ботаникъ — Турнефортъ, путешествуя по Востоку, отечеству знаменитаго коралловаго полипника, также отнесъ кораллъ къ царству растительному, къ отдѣлу обозначенному у него такимъ образомъ: о морскихъ и рѣчныхъ растеніяхъ, которыхъ цвѣты не извѣстны народу.

Въ прошедшемъ столѣтіи мнѣніе Турнефорта о кораллахъ подтвердилъ болѣе точный наблюдатель, итальянскій графъ Марсильи. Онъ объявилъ ученому міру, что открылъ у коралла цвѣтки, стало быть нѣтъ больше и сомнѣнія, что кораллъ принадлежитъ къ царству растительному. Марсильи опустилъ вѣтку коралла въ морскую воду и увидалъ, что

бугорки, покрывающіе поверхность коралла, вдругъ распустились восемью лепестками, въ видѣ маленькихъ, бѣлыхъ звѣздчатыхъ вѣнчиковъ. Марсильи ихъ принялъ за цвѣтки коралла и увѣрился, что вопросъ о кораллахъ рѣшенъ окончательно. Онъ написалъ о своемъ открытіи президенту академіи наукъ и приложилъ къ письму нѣсколько вѣтокъ цвѣтущаго коралла. Въ письмѣ сказано было: „посылаю нѣсколько вѣтокъ коралла, покрытыхъ бѣлыми цвѣтами, такъ какъ въ этой странѣ никто изъ жителей, даже и изъ рыбаковъ, не видалъ ничего подобнаго, то мое открытіе считаютъ за волшебство“.

Академія наукъ при видѣ коралловой вѣтки, покрытой бѣлыми цвѣтами, убѣдилась, что коралль точно растеніе. Убѣжденіе это скоро поколебалось. Французскій медикъ Пейсонель, проѣзжая по берегамъ Берберійскихъ владѣній, нѣсколько разъ видѣлъ какъ ловятъ кораллы, дѣлалъ надъ ними наблюденія и открылъ, что мнимые цвѣтки—маленькія животныя, строители мнимыхъ каменистыхъ деревцевъ, принадлежащіе къ классу полиповъ.

Убѣдившись въ вѣрности своихъ наблюденій, Пейсонель сообщилъ объ нихъ академіи наукъ.

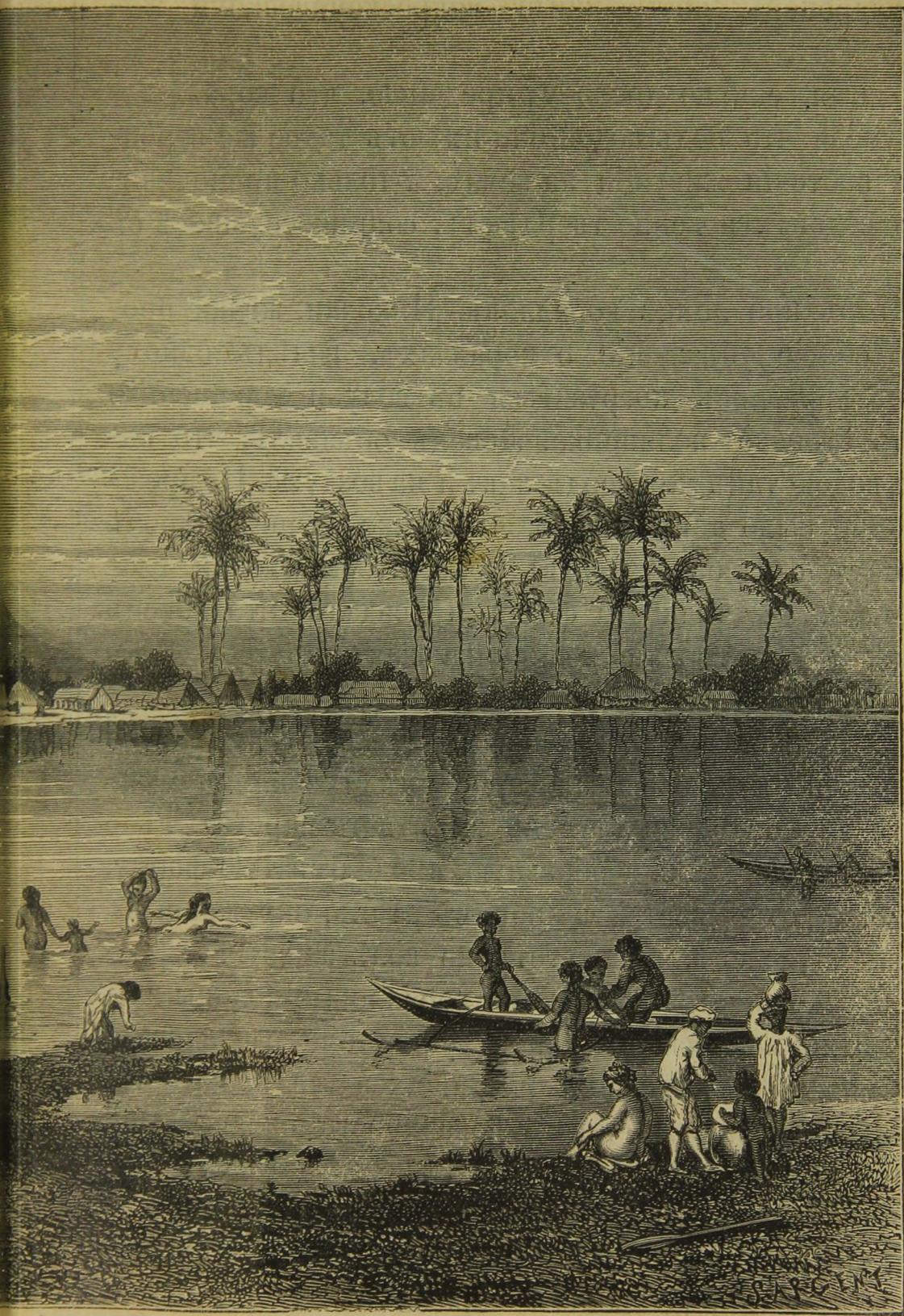
Академія, находясь въ то время подъ вліяніемъ открытія графа Марсильи, не повѣрила французскому медику; но несмотря на это поручили натуралисту Реомюру составить отчетъ объ этомъ новомъ открытіи. Какъ же отнеслись къ открытію Пейсонеля извѣстные натуралисты? Реомюръ, не желая дурно отозваться о Пейсонелѣ, въ своемъ отчетѣ не называетъ его даже и по имени. А Бернардъ де Жюсье, добросовѣстный, неувлекающійся ботаникъ, написалъ Пейсонелю самое недоброжелательное письмо.

Если бы Жюсье хотя поверхностно осмотрѣлъ мнимые цвѣтки, то увидалъ бы что въ цвѣткахъ коралла нѣтъ цвѣтковыхъ органовъ.

Дѣло это вскорѣ разгласилось. Академія, волей-неволею, должна была приняться за разрѣшеніе спорнаго вопроса;

СЕЛЕНИЕ НА КОРАЛЛОВОМЪ О

БЛИЗЬ НОВОЙ КАЛЕДОНИИ.

и тогда увидали, что цвѣты коралла—полипы, а каменистое деревцо—мадрепоръ, построенный микроскопическими животными.

Предполагая, еще по древнему преданью, что кораллы—деревца, думали что подъ водой они имѣютъ такое же строеніе, какъ и растенія живущія на землѣ, и только приподнявшись надъ водой, мгновенно твердѣютъ, соприкоснувшись съ воздухомъ.

Инспекторъ при ломкѣ коралловъ, Николай, желая провѣрить это общее убѣжденіе о кораллахъ, велѣлъ одному изъ ловцевъ коралловъ погрузиться въ воду и хорошенько рассмотреть строеніе полипника. Ловецъ объявилъ, что кораллъ подъ водою такъ же твердъ, какъ и на воздухѣ. Но прежнее убѣжденіе было такъ сильно, что Николай не повѣрилъ словамъ ловца, самъ опустился въ море, чтобы своими глазами убѣдиться въ точности факта, и увидалъ что ловецъ былъ правъ, и что строеніе полипника какъ въ водѣ, такъ и на ея поверхности одно и то же.

Кораллы принадлежатъ къ обширному классу собственно полиповъ—животныхъ съ самымъ простымъ строеніемъ, стоящихъ почти на послѣдней ступени животнаго царства. Тѣло полипа представляетъ мѣшкообразную, продолговатую форму, которое вверху открывается широкимъ ртомъ, окруженнымъ вѣнкомъ изъ щупалецъ, ротъ этотъ по волѣ животнаго расширяется и сокращается. Питаются коралловые полипы живыми животными: микроскопическими туниками, слизняками, червями, рачками и міриадами искрящихся тѣлъ, которыя точно огоньки освѣщаютъ ночью поверхность океана. Они привлекаютъ ихъ къ себѣ слабымъ водянымъ потокомъ, который возбуждаютъ своими мерцательными волосками.

Полипы не видятъ и не слышатъ, да это имъ и не надобно ни на что. Они не могутъ передвигаться, такъ какъ неразрывно связаны съ мѣстомъ своего жительства.

Размноженіе коралловъ чрезвычайно интересно: отъ мая до августа коралловые полипы выбрасываютъ изо рта милліоны

микроскопическихъ яичекъ прямо въ свѣжую морскую воду, это и есть будущій коралль. Никто о немъ не заботится, онъ самъ найдетъ мѣсто для своего развитія и самъ найдетъ себѣ пищу. Изъ яичка развивается крошечное, безцвѣтное животное, на узкомъ концѣ котораго находится ротъ. Вскорѣ это животное принимаетъ видъ бѣленькаго, прозрачнаго червячка; червячекъ бѣгаетъ въ водѣ, снуетъ, вытягивается, кружится, свертывается жгутомъ, всплываетъ на поверхность воды, опускается на дно, пока не выберетъ удобнаго мѣста, гдѣ можетъ прикрѣпиться и находить пищу, гдѣ волна не сильна и проникаетъ довольно свѣта. Тутъ онъ широкимъ концемъ присасывается къ какому нибудь твердому предмету, къ скалѣ, къ раковинѣ, къ обломку корабля, такъ крѣпко, точно приростаетъ.

Укрѣпившись, широкій конецъ начинаетъ утолщаться, вокругъ него выделяется клейкая угле-кислая известь, служащая основаніемъ полипника и начинается развитіе каменистаго стержня, который и есть собственно коралль. Стержень окрашивается, вытягивается и служитъ фундаментомъ цѣлаго поколѣнія полиповъ. Тѣло полипа раздувается, принимаетъ видъ кружка, на немъ показываются бугорки — родъ почекъ. Изъ почекъ образуются новые полипы, каждый полипъ выделяетъ у основанія своего углекислую известь; вытягивается стебелекъ; число полиповъ увеличивается, и всѣ даютъ начала новымъ вѣткамъ.

Такъ какъ кораллы растутъ точно растенія, то и подражаютъ почти всѣмъ формамъ растительности. Между ними есть лишайи, мхи, кусты, деревья.

Всѣ эти различныя формы коралла первоначально происходятъ равно отъ простаго зародыша, который нарастаетъ почками, образуя то широкій листъ, то тонкую вѣтку, то колонну, то полушаріе.

Въ жаркомъ климатѣ полипы образуютъ, точно стѣны, коралловые рифы, передъ которыми колоссальныя постройки людей ничего незначать. Мы изумляемся пирамидамъ и древ-

нимъ храмамъ на берегахъ Нила,—но они ничтожны сравнительно съ огромными стѣнами, воздвигаемыми крошечными зоофитами.

Каждый полипъ сидитъ въ особой ячейкѣ полипника и попроизволу своему то прячется въ ячейку, то выпускаетъ свои восемь лучеобразныхъ щупалецъ, въ звѣздчатое отверстіе полипниковъ, что дѣлаетъ его похожимъ на цвѣтокъ.

Щупальцы точно оторочены по сторонамъ мерцательными рѣсничками, которыя, вѣроятно, служатъ полипу органами осязанія. Какъ только проплываетъ мимо полипа какое нибудь мелкое морское животное, онъ схватываетъ щупальцами и глотаетъ. Пища проходитъ въ желудокъ, который видѣнъ въ тѣлѣ полипа въ родѣ шнура, кромѣ этого шнура въ немъ нѣтъ ни сердца, ни кровеносныхъ сосудовъ, ни кишекъ, ни органовъ дыханія, и неперева-ренныя части пищи выбрасываются вонъ черезъ ротъ. Полипы соединяются между собою тонкими каналами, такъ что если одинъ полипъ съѣстъ что нибудь, то и остальные сыты.

Твердый, цвѣтной известковый стержень есть внутренній скелетъ коралла, онъ покрытъ мягкимъ веществомъ точно корою.

Кора—жизненная часть коралла, она служитъ сообщеніемъ полипамъ и ихъ питаетъ.

Главная часть коры — система каналовъ. Эти каналы проводятъ по всей корѣ питательную жидкость. Питательная жидкость, вмѣстѣ съ водой, поступаетъ изъ тѣла каждаго полипа прямо въ эти сосуды и по всѣмъ по нимъ протекаетъ вмѣсто крови. Такимъ образомъ каждый полипъ живетъ самъ по себѣ, ѣстъ, спитъ, не мѣшая другимъ, а кора и ея сосуды принадлежатъ цѣлой колоніи.

Если очистите молодую вѣтку отъ мягкихъ частей, то представится продолженіе стержня въ видѣ краснаго стебля, составъ котораго та же твердая известковая масса, что и у стержня.

Такъ какъ твердое и мягкое вещество коралла есть часть самаго полипа, то полипъ никогда не можетъ отдѣлиться отъ своей твердой части, живой или мертвый, онъ не разлученъ съ нею, мало по малу онъ самъ превращается въ твердыя части и служить какъ бы поддержкой, на которой помѣщается живая часть полипника, которая въ свою очередь переходитъ въ мертвую. Такъ каменистое образованіе коралла растетъ въ вышину и въ ширину и выступаетъ во многихъ мѣстахъ океана въ видѣ рифовъ. Рифы свидѣлствуютъ о прошедшемъ существованіи безчисленныхъ поколѣній, жившихъ за миллионъ лѣтъ до временъ не только что доисторическихъ, но и до человѣческихъ.

Р и ф ы.

Не всѣ коралловые полипы способны образовывать рифы, это дѣлаютъ только тѣ, которые могутъ достигать до ширины и вышины необходимыхъ для образованія рифовъ. На это способны нѣкоторыя семейства изъ *Antazoen*, особенно со скважистымъ, известковымъ остовомъ. Всѣ эти полипы могутъ жить только въ теплой водѣ, температура которой достигаетъ отъ 21 до 23 гр. по Реомюру, кромѣ теплаго, чистаго моря имъ необходима умѣренная глубина, отсутствіе устьевъ рѣкъ; но такъ какъ такая высокая температура воды и всѣ эти условія находятся не во всѣхъ моряхъ, то коралловые рифы и образуются только подъ тропиками или въ близкихъ къ нимъ частяхъ океана. Такіе рифы находятся во множествѣ у острововъ Южнаго океана, въ архипелагѣ Западной Индіи, у Сѣверныхъ береговъ Новой Голландіи, оттуда они идутъ къ новой Гвинее, къ Молукскимъ, Филиппинскимъ и Зондскимъ островамъ до Никобара, наконецъ въ Красномъ морѣ, гдѣ для нихъ мѣстность очень удобна и по высокой температурѣ воды, и по отсутствію устьевъ рѣкъ.

Изъ большихъ материковъ имѣютъ рифы—берега Остъ-Индіи, восточные берега Африки, восточный берегъ Америки до устьевъ рѣки Амазонской.

Дарвинъ дѣлитъ коралловые рифы на три различныя формы.

1-я Лагунныя.

2-я Кольцевидныя.

3-я Плотинныя.

Лагунныя рифы образуютъ на нѣсколько футовъ надъ поверхностію моря большой поясъ въ видѣ круга или эллипсиса, съ отверстіемъ для входа въ охваченный имъ бассейнъ, въ которомъ вода стоитъ точно ровное водное зеркало. Наружный край рифа поднимается изъ глубины моря почти отвѣсно и покрытъ живыми кораллами; съ внутренней же стороны находятся только мертвыя животныя, а на днѣ бассейна или лагуны лежитъ бѣлый, мѣловатый илъ, въ которомъ содержатся остатки череповъ раковинъ, улитокъ, раковъ, но главную часть его составляютъ раздробленные въ песокъ кораллы. Около наружныхъ краевъ этихъ рифовъ, поперечникъ которыхъ бываетъ иногда въ 4 и 5 географическихъ миль, шумитъ и плещетъ море, а внутри все тихо. Эти острова восхитительны, когда на нихъ образуется растительность. Вода бассейна прекраснаго свѣтлозеленаго цвѣта; великолѣпныя кокосовыя пальмы отъ самыхъ низкихъ до исполинскихъ рѣзко отдѣляютъ воду отъ темной лазури неба.

Роскошная растительность вскорѣ по образованіи острова покрываетъ его недоступную для моря поверхность; волны дробятся о наружныя стѣны рифа и шума отбѣгаютъ въ океанъ.

Кольцеобразныя рифы—видоизмѣненіе лагунныхъ. Они также непрерывнымъ поясомъ охватываютъ бассейнъ воды, но въ центрѣ этого бассейна образуется настоящій вулканическій островъ, съ конусообразной горой посрединѣ. Такой островъ представляетъ Таити и всѣ высокіе острова Юж-

наго океана, только этой горой кольцеобразные рифы и отличаются отъ лагунныхъ. Коралловыя зданія, охватывая центральную землю, окружаютъ ее тихимъ, какъ стекло, рейдомъ, а съ наружной стороны кольца шумить и пѣнится прибой морскихъ волнъ.

Плотинными рифами называются тѣ, которые идутъ параллельно берега материка или большаго острова, и образуютъ огромныя подводныя плотины. Эти плотины изрѣдка поднимаются надъ морскою поверхностью и переходятъ въ постоянный поросшій лѣсомъ островъ.

Между плотинными рифами и берегомъ также находится покойная полоса моря, которую можно сравнить съ крѣпостнымъ рвомъ, конечно болѣе широкимъ и болѣе величественнымъ. Это самые большіе изъ рифовъ. Такой рифъ у западнаго берега Новой Каледоніи тянется наравнѣ съ островомъ.

Чарльзъ Дарвинъ во время своего плаванія изслѣдовалъ больше всего лагунные рифы, которые въ извѣстныхъ мѣстахъ Тихаго и Индѣйскаго океановъ находятся тысячами. Онъ нашелъ, что всѣ они у основанія состоятъ изъ раздробленныхъ коралловъ, и надстроиваясь полипами, постепенно поднимаются изъ глубины воды надъ поверхностью. Выдвинувшись, рифъ съ наружной стороны продолжаетъ увеличиваться работами маленькихъ художниковъ, которые повидимому превосходно растутъ и размножаются подъ ударами волнъ, съ внутренней — работа живыхъ строителей и постройка доканчивается разрушительною силою волнъ. Волны перекидываются высокимъ сводомъ черезъ края коралловой плотины, отрываютъ отъ нее куски и бросаютъ ихъ на внутреннюю сторону образующагося рифа. Такимъ образомъ рифъ, увеличиваясь снаружи надстройками полиповъ, внутри увеличивается скопленіемъ ихъ остатковъ; известковыя стѣны непрерывно растутъ съ обѣихъ сторонъ и наконецъ доходятъ до такой высоты, что оторванные и взброшенные вверхъ волнами куски коралла уже не могутъ больше перекидываться черезъ рифъ. Кораллы,

раковины, оболочки морских ежей подъ раздробляющей силой превращаются въ известковый пещаникъ, который мало по малу пополняетъ промежутки большихъ, неправильно нагроможденных обломковъ и придаетъ имъ прочность. Тропическое солнце съ своей стороны помогаетъ развитію растительности, на раздробленные обломки попадаютъ плавающія зерна, сѣмена, плоды, наносимые часто изъ далекихъ частей свѣта—и начинаютъ покрывать известъ яркой зеленью. Древесные стволы, вырванные выступившими изъ береговъ рѣками, также пристають къ берегу новаго острова и приносятъ къ нему маленькихъ животныхъ — насѣкомыхъ и ящерицъ. Когда же растительность покроетъ весь островъ, является и человѣкъ, строить на плодородной почвѣ, образовавшейся отъ падающихъ листьевъ и разрушенныхъ злаковъ, свою хижину и распоряжается этимъ маленькимъ міромъ.

Кораллы бываютъ розовые, бѣлые, красные.

Одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ пунцовыхъ коралловъ встрѣчается, въ видѣ кустарниковъ, въ Средиземномъ морѣ, особенно на берегу Прованса, около острововъ Майорки и Минорки и по берегамъ Сициліи и Алжиріи.

Ловля коралловъ.

На ловлю коралловъ отправляютъ лодки, которыя называются кораллинами. Кораллины бываютъ хорошо оснащены, крѣпки и съ большимъ парусомъ.

На носу кораллины впереди находится, на длинной подставкѣ, деревянный шаръ, на немъ изъ дерева сдѣлано изображеніе Спасителя, или дѣвы Маріи, а иногда когонибудь изъ святыхъ. Подъ подставкой нарисованы два большіе глаза. Это, говорятъ рыбаки, для того, чтобы патронъ *) могъ далеко видѣть скалы съ кораллами.

*) Хозяинъ лодки.

На задней половинѣ лодки—воротъ, на него наворачивается канатъ. Въ срединѣ лодки находятся вода и сухари. Во время лова рыбаки постоянно грызутъ сухари и запиваютъ ихъ водой.

Бабочка острововъ Каледонскихъ.

Снарядъ, которымъ добываютъ кораллы—огромный деревянный крестъ съ грузомъ. На разныхъ концахъ креста—находятся желѣзные кострюли безъ дна, съ зубцами, къ кострюлямъ привѣшаны крѣпкія сѣти. Зубцы подрѣзываютъ кораллы и они запутываются въ сѣтяхъ.

Кораллины очень красивы, идутъ на веслахъ, экипажъ состоитъ изъ двѣнадцати человѣкъ, которые мѣрно гребутъ ве-

слами, полуобнаженные тѣла ихъ блестятъ на солнцѣ, надъ ними синее небо, а кругомъ волны.

На небѣ ни облачка, съ неба и съ моря льются потоки свѣта и жара. Сонно двигаются кораллины по заливамъ и по морю. Патронъ придерживаетъ канатъ на колѣнѣ, закрытомъ фартукомъ. Канатъ навертываютъ десять человѣкъ. Снарядъ опущенъ—упалъ на дно моря. Одинъ ловецъ то опускаетъ, то полнимаетъ аппаратъ, товарищи его медленно гребутъ дальше. Сѣтки запутываются въ вѣтвяхъ коралла и въ другихъ морскихъ животныхъ. Ловцы тащатъ снарядъ подъ грустную монотонную пѣсню—пѣніе помогаетъ работѣ, его прерываетъ крикъ: *carriго* (тяни), патронъ кричитъ, канатъ двинуть, потъ льется съ гребцовъ ручьями; натянутыя веревки обозначаютъ энергію работы.

Но вотъ снарядъ отцѣпляетъ отломокъ огромнаго осколка скалы, работники навертываютъ канатъ, снарядъ приподнимается. Что-то вытащить сѣти? крестъ вытаскиваютъ на бортъ и начинается сборъ коралла.

Работа эта тяжелая, дѣлается она по нуждѣ. Кораллы доставляютъ многимъ средства для жизни, а въ рукахъ художниковъ превращаются въ изящные предметы роскоши и украшенія.

Въ Неаполѣ множество людей живетъ шлифованьемъ, полированьемъ, просверливаніемъ и оправой этого прелестнаго морскаго матерьяла.

Неаполь.

Каждый, кто пріѣзжаетъ въ Неаполь, поражается множествомъ магазиновъ и лавокъ, на вывѣскахъ которыхъ красуется красное деревцо, съ надписью: „*lovodicoralli*“ ра-

боты изъ коралла. Войдите въ самый лучший магазинъ на Santa Catharina. Чего только тамъ нѣтъ? кораллы въ бусахъ висятъ цѣлыми нитками, коралловыя серги, брошки, браслеты красныя, бѣлыя, розовыя самыхъ прихотливыхъ, изящныхъ рисунковъ; коралловыя colliers съ лаконической надписью 1000 фр. Вещей въ такихъ магазинахъ находится на тысячи франковъ и все это доставляетъ крошечное животное, которое прячется въ морской глубинѣ; человѣкъ съумѣлъ достать его и отдѣлать въ золото, въ жемчугъ, въ брилліанты.

Цѣнность коралла зависитъ отъ величины вѣтки, самыя дорогіе тѣ, у которыхъ вѣтки велики, толсты, прямы, правильны. Работы изъ коралла получили большое развитіе и достигли замѣчательнаго совершенства. Это цѣлая отрасль искусства. Художникъ, который работаетъ вещи изъ коралла, умѣетъ воспользоваться каждымъ бугоркомъ, каждой впадинкой и сдѣлаетъ изъ нихъ листь, цвѣтокъ. Въ этомъ искусствѣ особенно отличаются неаполитанцы. Оборотъ торговли кораллами огромный, коралловыя вещи и украшенія цѣнятся очень дорого.

Какъ ни восхитительны въ Неаполѣ изящныя работы изъ коралла, но природа Неаполя еще восхитительнѣе; что за воздухъ! что за климатъ! говоритъ о Неаполѣ въ своихъ путевыхъ запискахъ по Италіи одинъ изъ нашихъ извѣстныхъ писателей, что за природа! Въ тепломъ влажномъ, вулканическомъ воздухѣ дыханіе, жизнь, наслажденіе.

„Переходъ отъ римской природы къ неаполитанской, пишетъ онъ, до того поразителенъ, до того рѣзокъ, что я хочу сказать нѣсколько словъ о маленькомъ переѣздѣ нашемъ. Печальная Кампанья съ своими водопроводами и голубыми горами, пропадающими на горизонтѣ—смѣняется еще болѣе печальными понтинскими болотами; ихъ все торопится миновать, боясь маларіи; сырая почва этихъ потныхъ полей испаряетъ изнурительныя и трудно излечимыя лихорадки; даже

стада становятся рѣдки. И въ тоже время возлѣ нихъ степенные на видъ и заброшенные города Велетри, Албано удивляютъ своимъ населеніемъ; это цвѣтъ романскаго племени, каждая женщина типъ правильной, классической красоты, каждый мужчина можетъ служить моделью для художника, и что за грація въ движеніяхъ, въ позахъ, что за стройность! Вы этихъ людей знаете, напр., по гравюрамъ съ Робертовыхъ картинъ. Вы можете даже согрѣшили передъ живописцемъ, находя нѣкоторую театральность въ положеніи лицъ; намъ это кажется оттого театральностью, что мы въ вседневной жизни не привыкли видѣть такія изящныя формы, такую аристократическую породу людей, которымъ ловкость и грація врожденна, такъ какъ русскому парню врожденна удалъ, такъ какъ нашему ямщику страсть скакать. Робертъ совсѣмъ напротивъ удивительно вѣрно поймалъ въ своихъ „жнецахъ“ характеръ романскихъ крестьянъ, онъ не забылъ подернуть легкой дымкой задумчивости и печали всѣ лица, даже тѣхъ, которые пляшутъ.

Дикая полоса продолжается до Террачины. Небольшой городъ угрюмъ, Средиземное море безпокойно бьется за старинными воротами его; огромная, совершенно одинокая скала стоитъ у выѣзда. На скалѣ этой жилъ нѣкогда грозный кондотьеръ, о которомъ народъ и теперь еще рассказываетъ легенды; около нея жили очень недавно толпы разбойниковъ, уничтоженные при Львѣ XII. Скала эта превосходно заключаетъ папскія владѣнія, эта точка поставленная послѣ римскихъ развалинъ, Кампаньи и болотъ.

За скалой начинается природа веселая, смѣющаяся, совсѣмъ иная; населеніе гораздо менѣе красивое, но больше движущееся, шумливое; одичалыя черты лаццарони и подобострастные манеры неаполитанской черни начинаютъ показываться; серьезный и гордый видъ крестьянина, нищаго, пастуха Кампаньи замѣняется насмѣшливымъ выраженіемъ и движеніями пулчинеллы.

Всю эту разницу двухъ странъ, двухъ природъ, двухъ

населеній, вы видите на самомъ рубежѣ ихъ, переѣзжая отъ Террачины до Гаеты. Эта рѣзкость предѣловъ, опредѣленность характеровъ, самобытная личность всего, горъ, долинъ, травы, города, растительности, населенія каждаго мѣстечка—одна изъ главныхъ чертъ и особенностей Италіи. Въ Италіи все опредѣленно, ярко, каждой клочекъ земли, каждый городокъ имѣетъ свою фizioномію, каждый часъ свое освѣщеніе, тѣнь какъ ножомъ отрѣзана отъ свѣта, нашла туча—темно до того, что становится тоскливо; свѣтитъ солнце—такъ и обливаетъ золотомъ всѣ предметы и на душѣ становится радостно. Какая огромная разница въ характерѣ Піэмонты и Генуи, Піэмонты и Ломбардіи; Тоскана нисколько не похожа ни на сѣверную Италію, ни на южную, переѣздъ изъ Ливурны въ Чивита-Веккію не меньше рѣзокъ какъ переѣздъ изъ Террачины въ Фонди.

Но самая рѣзкая противоположность—Римъ и Неаполь.

Поживши въ Римѣ, невозможно его не уважать, но отъ Рима устаешь, устаешь такъ, какъ отъ людей, съ которыми непрерывно надобно геворить о важныхъ предметахъ. Римъ дѣйствуетъ на нервы, поддерживаетъ натянутое состояніе восторженности—можетъ оттого-то у него и было столько героевъ и столько фанатиковъ. Неаполь нельзя не любить и еслибъ вы только пробыви въ немъ одинъ день, всю жизнь стали бы вспоминать со вздохомъ объ этомъ днѣ.

— Мы пріѣхали вечеромъ. Солнце садилось, пурпуровымъ свѣтомъ освѣщая море, синее, темно-синее, и гору застроенную домами, на которой стоитъ Камалдулинскій монастырь и крѣпость С. Элмъ. По мѣрѣ того какъ садилось солнце, дымъ надъ жерломъ Везувія краснѣлъ и струйка каленой, растопленной лавы медленно стекала по горѣ. Улицы кипѣли народомъ, пѣсни, органы, разные инструменты раздавались со всѣхъ сторонъ, маріонетки и пулчинелли—плясали, сыпали скороговорками; на балконахъ стояли дамы между цвѣтовъ, въ окнахъ начали показываться огоньки... я ничего подобнаго и не подозрѣвалъ, просто упиваешься, за-

бываешь все на свѣтѣ. *Sta viator!* лучшаго ты не увидишь,
„посмотри на Неаполь и потомъ умри!“ — „Посмотри на Неа-
поль—и живи!“

* * *

МАЛЕНЬКІЙ РУДОКОПЪ.

VII.

Счастливая находка.

ЭТОГОДА становилась холоднѣе и суровѣе. Кламротъ, видя мальчика одѣтымъ и обутымъ, не беспокоился больше о томъ, чтобы онъ заработалъ себѣ что нибудь. Вскорѣ онъ замѣтилъ, что Готлибъ подбираетъ и прячетъ всѣ обрубки и обрѣзки дерева, остававшіеся отъ его подѣлокъ, но ничего ему объ этомъ не говорилъ. Однажды Готлибъ прибѣжалъ во весь духъ изъ школы, глаза его свѣтились такой радостью, какой никогда еще въ нихъ не замѣчалось.

— Вѣрно ты сдѣлалъ что нибудь хорошее и тебя за то похвалили? сказалъ Кламротъ.

Готлибъ вмѣсто отвѣта раскрылъ горсть и показалъ удивленному отцу серебряный талеръ.

— Ну, братъ, я ошибся, сказалъ Кламротъ, я думалъ, тебѣ удалось сдѣлать какое нибудь доброе дѣло, и потому ты такъ радостенъ. А найди талеръ что же тутъ такого? счастливый случай вотъ и все.

— Я его не нашелъ, отвѣчалъ Готлибъ; мнѣ его дали.

— Вотъ какъ! расскажи, какъ это случилось. Талеры не такъ-то легко даются.

— Сейчас все расскажу. Я вышелъ изъ школы и пустился бѣжать домой шибче всѣхъ учениковъ, вижу на встрѣчу мнѣ ѣдетъ какой-то господинъ верхомъ на лошади и у него изъ боковаго кармана выглядываетъ красный бумажникъ. Въ ту самую минуту, какъ я съ нимъ поровнялся, онъ пустилъ лошадь большой рысью и бумажникъ выпалъ у него изъ кармана на дорогу, такъ что онъ и не замѣтилъ. Я поскорѣе поднялъ бумажникъ и побѣжалъ въ догонку за господиномъ, чтобы ему отдать. Разумѣется, мнѣ пришлось бѣжать изо всей мочи; наконецъ господинъ услышалъ мой крикъ, остановился и очень удивился, когда увидѣлъ, что я держу въ рукахъ его бумажникъ. Я ему отдалъ его. Онъ похвалилъ меня, сказалъ, что я честный мальчикъ, и что въ бумажникѣ-то вѣдь банковый билетъ въ триста талеровъ. Спросивши какъ меня зовутъ, онъ записалъ въ свой бумажникъ, бросилъ мнѣ вотъ эту монету и поскакалъ прочь. Мнѣ не хотѣлось брать талера, но господинъ былъ уже далеко, что, думаю, не оставить же его валяться на дорогѣ. Возьмите его, батюшка, себѣ.

— Онъ твой, возразилъ Кламротъ, глядя на мальчика.

— Ну, такъ чтожъ? Мало ли вы на меня потратили. Возьмите этотъ талеръ, а я заработаю еще другой.

— Хорошо, дитя мое, мы его спрячемъ, тебѣ же пригодится. А все таки я тебѣ дамъ хоть нѣсколько мѣдныхъ денегъ, чтобы ты чѣмъ нибудь себя потѣшилъ.

— Если вы хотите меня порадовать, отвѣчалъ Готлибъ, такъ дайте мнѣ кусокъ вашего дерева, да немножко денегъ—купить ножикъ.

— Готлибъ, сказалъ отецъ, я догадываюсь, отчего мнѣ попадается столько щепокъ на пригоркѣ, гдѣ ты караулишь машину. Вѣдь угадалъ я?

Готлибъ потупилъ глаза.

— Ну, чего же ты? Работа дѣло хорошее.

— Мнѣ хотѣлось, краснѣя сказалъ Готлибъ, чтобы никто не зналъ, пока не кончу.

— Хорошо! у тебя будетъ и дерево, и ножикъ.

На другой день все это у него было, и онъ тайкомъ отъ всѣхъ принялся за работу, находясь при машинѣ. Прежде всего сталъ онъ вырѣзывать животныхъ. Первые неудачные опыты не охладили его, напротивъ, онъ еще съ большимъ усердіемъ предался своему дѣлу, и оно становилось съ каждымъ днемъ все лучше и лучше. Наконецъ, Готлибъ рискнулъ сдѣлать въ маломъ видѣ модели машинъ съ ихъ рычагами, сторожками и колоколами, потомъ модели плавильныхъ печей и другихъ предметовъ.

Боясь чтобы не увидали его работу даже и рудокопы, онъ пряталъ свои богатства въ брошенной шахтѣ, но и тамъ не считалъ ихъ въ безопасности, и съ помощью свѣчи, добытой отъ одного школьнаго товарища, пустился отыскивать еще болѣе надежное мѣстечко. Такое мѣстечко ему удалось открыть въ одной изъ боковыхъ галлерей, гдѣ была въ углу едва замѣтная впадина. Тамъ онъ не только что склалъ свои запасы, но и устроилъ себѣ мастерскую. На дворѣ становилось съ каждымъ днемъ холоднѣе, и холоднѣе, а въ шахтѣ было тепло и онъ радъ былъ, что догадался туда переселиться. Маленькія издѣлія его начали выходить хоть куда, имъ недоставало только раскраски. И это нашлося очень удачно. Изъ собственныхъ своихъ волосъ онъ сдѣлалъ себѣ кисточку; а въ колодцѣ ему попалась глина разныхъ цвѣтовъ, какихъ же цвѣтовъ недоставало, онъ добывалъ у товарищей; глиняные и стеклянные черенки служили ему вмѣсто чашечекъ, въ какихъ обыкновенно растираются краски. Все шло какъ нельзя лучше и Готлибъ былъ счастливъ съ головы до ногъ. Кламротъ это замѣчалъ, но не тревожилъ мальчика вопросами и намеками.

VIII.

Ночное приключеніе.

Приближалось Рождество, желанный праздникъ дѣтей, а вмѣстѣ съ тѣмъ приближалась и минута открытія тайны

Готлиба. Со всѣхъ сторонъ дѣлались приготовленія къ встрѣчѣ праздника. Однажды Готлибъ, находясь на караулѣ около машинъ, вдругъ увидѣлъ своего дядю, который шелъ прямо къ нему вмѣстѣ съ инспекторомъ. Готлибъ хотѣлъ было убѣжать, чтобы съ ними не встрѣтиться, но подумалъ, что если машины останутся безъ присмотра, то могутъ произойти непріятности его отцу; скрѣпя сердце онъ рѣшился остаться. И хорошо сдѣлалъ. Смотритель показалъ видъ, будто не узналъ Готлиба и грубымъ тономъ спросилъ его:

— Гдѣ надзиратель?

— Сейчасъ схожу за нимъ, отвѣчалъ Готлибъ и побѣжалъ разбудить его, Кламротъ поспѣшилъ явиться, начальникъ приказалъ ему показать всѣ машины инспектору.

Кламротъ, снявъ шапку, повелъ инспектора куда слѣдовало. Все было тщательно осмотрѣно. Смотритель нашелъ таки случай сдѣлать Кламроту кой-какія замѣчанія,—то не такъ, другое не такъ, но несмотря ни на что инспекторъ, повидимому, остался очень доволенъ и ушелъ вмѣстѣ съ смотрителемъ.

— Счастье мое, проводивъ ихъ сказалъ Кламротъ, отирая потъ, выступившій у него на лбу несмотря на то, что на дворѣ было далеко не жарко и надѣвая шапку.—Счастье мое, что все оказалось въ порядкѣ, а то, пожалуй, и мѣста недолго лишиться. Этотъ добрый господинъ Верндтель былъ бы не прочь сыграть со мной какуюнибудь вредную штуку за то, что я тебя пріютилъ къ себѣ, Готлибъ. Несмотря на это желаю твоему дядюшкѣ, чтобы и его дѣла оказались въ такомъ же порядкѣ, какъ и мои,—вѣдь и его будутъ ревизовать. Посмотримъ, въ какомъ то видѣ его книги и въ состояніи ли онъ будетъ отдать отчетъ въ томъ, что ему довѣрено.

Весь этотъ день они провели весело и покойно. Съ смотрителемъ Верндтелемъ было не то;—на того пріѣздъ инспектора обрушился, какъ громовой ударъ. Наружно онъ казался веселымъ, но сердце у него сжималось отъ страха. На

слѣдующій день долженъ былъ происходить осмотръ его управленія,—дѣло серьезное. Все, что было въ исправности, онъ уже показалъ инспектору, который у него и остановился и котораго онъ угощалъ, какъ только могъ лучше, чтобы заискать его расположеніе.

Лишь только Кламротъ вступилъ въ свою хижину, какъ услышалъ страшные крики. Кричали, что ночью обокрали смотрителя, его служанку и даже инспектора. Сверхъ множества разныхъ вещей, они унесли запасъ руды, кошелекъ съ деньгами, перстень, карманные часы инспектора и даже изорвали и уничтожили счетныя книги смотрителя. Дѣло было невѣроятное.

Верндтель выходилъ изъ себя и проклиналъ воровъ; Катерина ревѣла, инспекторъ болѣе всего тревожился о пропажѣ счетовъ и руды, и обѣщалъ полтараста цѣлковыхъ тому, кто откроетъ похитителей;—но, какъ видно, приняли всѣ мѣры, чтобы скрыться отъ поисковъ.

Когда Готлибъ, послѣ бѣдственной ночи, пришелъ къ своему тайнику, то съ удивленіемъ замѣтилъ, что во время его отсутствія кто-то приходилъ въ старый колодезь, сверхъ того онъ нашелъ тамъ, перепачканное сажей, полотенце Катерины, брошенное въ уголь.

Готлибъ, боясь не открыли ли его завѣтнаго уголка и не унесли ли его сокровища, чуть не разбилъ себѣ голову, торопливо бросившись осматривать, все ли у него цѣло. Къ величайшей радости, оказалось все точь въ точь какъ онъ положилъ наканунѣ. Только уголь былъ какъ бы прикрытъ. Успокоившись, Готлибъ продолжалъ разыскивать, нѣтъ ли еще какихъ слѣдовъ неизвѣстнаго посѣтителя, и нашелъ хорошенькій складной ножикъ о нѣсколькихъ лезвіяхъ, и обрадовался ему гораздо болѣе, чѣмъ находкѣ бумажника съ деньгами.

Такъ какъ онъ не могъ узнать, кто потерялъ ножикъ, то счелъ, позволительнымъ оставить у себя эту находку. Возвратясь домой, онъ никому ни слова не сказалъ о своемъ от-

крытіи, не потому чтобы считалъ надобнымъ скрывать такіе, по его мнѣнію, пустяки, а потому, чтобы не открыть вмѣстѣ съ тѣмъ и свою тайну и смолчалъ но отъ этого произошли не пустяки, а важныя печальныя послѣдствія.

Представьте себѣ темную впадину брошеннаго колодца, стѣны его выложены камнемъ, слабо освѣщены и блестятъ каплями воды, которыя тихонько скатываются на дно колодца. Тамъ сидитъ одиннадцатилѣтній Готлибъ, съ сверкающими глазами. Передъ нимъ, на выдавшемся камнѣ, стоитъ зажженный фонарь и тусклымъ свѣтомъ освѣщаетъ его работу. Въ правой рукѣ у него острый ножикъ, найденный имъ такъ кстати, а въ лѣвой — кусокъ дерева, изъ котораго онъ съ удивительною ловкостью вырѣзываетъ барашковъ, лошадокъ и разныхъ другихъ животныхъ. Какъ только онъ оканчиваетъ одну штуку, такъ съ наслажденіемъ осматриваетъ ее со всѣхъ сторонъ, потомъ раскрашиваетъ какъ можно лучше, стараясь чтобы барашекъ или коровка какъ можно больше походили на живыхъ и ставитъ ихъ на полочку, онъ устроилъ нѣсколько полочекъ въ своей конуркѣ и на нихъ уже поставлено было въ строгомъ порядкѣ множество оконченныхъ игрушекъ. Глядя на произведенія своихъ рукъ, Готлибъ съ неописанною радостью помышлялъ о деньгахъ, которыя за нихъ получить, и объ удивленіи своихъ названныхъ отца, братьевъ и сестеръ, когда они увидятъ въ его рукахъ значительную сумму.

Пришедши домой, Готлибъ засталъ Кламрота нездоровымъ: наканунѣ, во время инспекторскаго смотра, онъ простудился. Ему нехотѣлось беспокоить смотрителя рудниковъ просьбою назначить пока другаго на его мѣсто, такъ какъ онъ занятъ былъ происшествіемъ послѣдней ночи и ему было не до того. Когда Кламротъ сообщилъ о своемъ затрудненіи дѣтямъ, тѣ съ готовностью предложили замѣнить его на ночь при машинахъ, при этомъ Готлибъ сказалъ:

— Доротея, тебѣ надо быть дома, при батюшкѣ; Яковъ уже былъ сегодня въ караулѣ и вѣрно усталъ; объ осталь-

ныхъ и говорить нечего; стало быть, идти караулить машину некому, какъ мнѣ. Не въ первый вѣдь разъ мнѣ ночевать на открытомъ воздухѣ. Помните, батюшка, какъ вы меня нашли тамъ же, около машинъ, бѣднаго покинутого сироту и сжалились надо мною? Я всегда буду за васъ Бога молить.

— Ты добрый мальчикъ, Готлибъ, сказалъ Кламротъ, взявъ его за руку. Я согласенъ, только, пуще всего на свѣтѣ, смотри, не засни. Если ты заснешь, то, пожалуй, замерзнешь или машины остановятся и надѣлаешь страшныхъ бѣдъ.

— Не беспокойтесь, батюшка, я не засну.

— Теперь надобно увѣдомить смотрителя, что на эту ночь ты займешь мое мѣсто, сказалъ Кламротъ, отвѣтственности меньше. Пусть Софья сбѣгаетъ къ нему; Софья возвратилась съ неожиданнымъ извѣстіемъ, что смотритель очень охотно согласился на эту замѣну.

Готлибъ смѣло отправился на свою ночную службу. Ночь была темна—хоть глазъ выколи; только кой-гдѣ бѣлѣлся снѣгъ. Сначала мальчикъ долго ходилъ взадъ и впередъ около машинъ, наконецъ усталъ и сѣлъ на небольшомъ возвышеніи, откуда ему были хорошо слышны оба колокола.

Вскорѣ онъ почувствовалъ, что его начинаетъ клонить ко сну; онъ взялъ въ горсть снѣгу и давай имъ тереть себѣ глаза изъ всей силы. Это помогло, дремота прошла. Тогда онъ сталъ смотрѣть на небо и любоваться величественнымъ звѣзднымъ сводомъ, который бросалъ на землю нѣкоторое освѣщеніе. Прямо надъ головой Готлиба перекидывался чрезъ все небо млечный путь, словно серебряный поясъ, концы котораго скрывались за горизонтомъ.

— Это должно быть, думалъ Готлибъ, та дорога, по которой души праведныхъ поднимаются въ царство небесное. Вѣрно мой отецъ и моя мать прошли по ней. Сначала прошелъ добрый мой отецъ, которому теперь нѣтъ больше надобности рыться въ глубинѣ земли, — а за нимъ и бѣдная

моя милая матушка и живутъ теперь они выше самыхъ высокихъ горъ.

Ахъ! должно быть хорошо тамъ, на этомъ прекрасномъ небѣ! на землѣ мать и даже дышать едва могла, а теперь она и отецъ сидятъ за райской трапезой, кушаютъ райскія яблоки и пьютъ вино изъ виноградника Господня, вмѣсто земныхъ яблокъ и ключевой воды, которыми въпрочемъ здѣсь пренебрегать не приходится. Возлѣ нихъ сидитъ самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ и двѣнадцать апостоловъ, и раздѣляютъ праведникамъ то, что приносятъ имъ ангелы въ прекрасныхъ серебряныхъ чашахъ. Вѣдь не даромъ въ Писаніи сказано, что въ жилищѣ Божіемъ вѣчная радость. Ахъ! хотѣлось бы мнѣ уже быть тамъ! Впрочемъ, нѣтъ, надо еще пожить немного здѣсь. Вѣдь у меня готовится тоже большая радость.

Говоря это, онъ взглянулъ въ ту сторону, гдѣ былъ колодецъ, заключавшій въ себѣ его сокровища. Вдругъ ему показалось, будто мелькнули около устья колодца какія-то двѣ черныя тѣни. Готлибъ вскочилъ посмотрѣть, что тамъ такое,—тогда—вотъ чудеса-то!—какое-то страшное привидѣніе пошло на встрѣчу мальчику, у Готлиба отъ ужаса ноги приросли къ землѣ, онъ не могъ шевельнуться и дрожалъ всѣми членами. Привидѣніе остановилось недалеко отъ Готлиба, мальчикъ, какъ околдованный, смотрѣлъ на него во всѣ глаза, не имѣя силъ оторвать взгляда.

Правда, привидѣніе было такъ страшно, что испугался бы не только ребенокъ, а и взрослый, самый смѣлый человѣкъ. Оно было по крайней мѣрѣ сажени полторы въ вышину и только покрыто чѣмъ-то въ родѣ огромной простыни, которая спускалась до земли. Рукъ было невидно, а огромная круглая голова покачивалась на широкихъ плечахъ. Лицо было блѣдно-желтаго цвѣта съ большимъ носомъ, огромнымъ разинутымъ ртомъ и большими глазами необыкновенно блестящими. Эта ужасная голова была сверхъ того покрыта большимъ чернымъ парикомъ. Нѣсколько времени стояло

привидѣніе передъ Готлибомъ, потомъ стало понемножку похаживать, то поближе, то подальше, но все таки не уходило.

Мальчикъ, непомня себя отъ страха, перечиталъ всѣ молитвы, какія только зналъ, надѣясь этимъ прогнать дьявола, за котораго принималъ привидѣніе, но и молитвы не помогли. Когда же колоколъ въ Штейнбахѣ пробилъ часъ пополуночи, привидѣніе медленно удалилось.

Тутъ только Готлибъ началъ мало по малу приходить въ себя. Онъ опрометью бросился къ хижинѣ Кламрота и только что хотѣлъ постучать въ дверь, какъ вдругъ ему пришло въ голову, что внезапное пробужденіе можетъ повредить больному, вспомнилъ также, что въ своемъ испугѣ не обращалъ вниманія на машины, и сталъ прислушиваться, звонятъ ли колокола. Съ правой стороны колоколъ звонилъ исправно, но что это дѣлается на лѣвой? не случилось ли тамъ чего? Что если его отецъ потеряетъ изъ-за него мѣсто! Если нѣсколько рудокоповъ успѣло лишиться жизни! Готлибъ хотѣлъ идти и не могъ ступить съ мѣста. Бодрость и силы его оставляли? Онъ поднялъ глаза къ небу. „Да будетъ съ тобою Господь“, сказалъ ему названный отецъ, отпуская его на ночной караулъ.

И вдругъ передъ внутреннимъ взоромъ Готлиба будто отпечатались огненными буквами слова священнаго Писанія.

„Богъ съ каждымъ изъ насъ; Онъ жизнь и сила“.

Стало быть, Богъ и со мною, чего же бояться? Вѣруя въ евангельское слово, Готлибъ смѣло пошелъ къ своему дѣлу. Машины были въ порядкѣ, страшнаго ничего не представлялось и онъ сталъ продолжать караулить.

ДѢВУШКА ОСТРОВОВЪ КАЛЕДОНСКИХЪ.

Редакторъ-издательница **Т. ПАСЕКЪ.**

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 апрѣля 1882 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. № 11—2.